

*В. Д. Алташина, Е. Н. Васильева**

PRO ET CONTRA: МНОГОГРАННЫЙ МОНТЕСКЬЕ**

Статья посвящена разным аспектам деятельности Монтескье — философа, писателя, ученого, истинного представителя эпохи Просвещения со свойственным для нее стремлением к охвату всеобщего, к энциклопедизму. Эта многогранность автора «Персидских писем» и «Духа законов» — романа и философского трактата, прославивших имя автора, нашла отражение и в рецепции его личности и творчества в России. Хотя Монтескье и не бывал в нашей стране, но образ России, созданный на страницах его главных произведений, становится объектом полемики, вызывая одновременно и одобрительные, и критические отклики. Всё это — различные грани противоречивой, местами парадоксальной рецепции художественного и философского наследия французского писателя, свидетельство стабильного внимания и признания авторитетности мнения. В статье представлена структура антологии «Монтескье: pro et contra. Личность и творчество Монтескье в России: переводы, исследования, рецепция».

Ключевые слова: Монтескье, Россия, Просвещение, рецепция, антология.

V. D. Altashina, E. N. Vasilieva

PRO ET CONTRA: MONTESQUIEU'S DIFFERENT FACETS

The article is devoted to various aspects of Montesquieu's activities — a philosopher, writer, scientist, a true representative of the Enlightenment, with its characteristic desire to embrace the universal, to encyclopedism. This diversity of the author of “Persian Letters” and “The Spirit of Laws” — a novel and a philosophical treatise that glorified his name, was

* Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежных литератур, Санкт-Петербургский государственный университет; nikaalt@bk.ru

Васильева Екатерина Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории зарубежных литератур, Санкт-Петербургский государственный университет; katia_vasilyeva@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00247 «Монтескье в отечественной и мировой философии и культуре: история и современность».

reflected in the reception of his personality and works in Russia. Although Montesquieu had never been to our country, the image of Russia, created in his works, became an object of controversy, evoking both approving and critical apprehension. There are different facets of the contradictory, in some places paradoxical reception of the French writer's heritage — evidence of attention and recognition of his authority. The article presents the structure of anthology "Montesquieu: pro et contra. The Personality and Work of Montesquieu in Russia: Translations, Research, Reception".

Keywords: Montesquieu, Russia, Enlightenment, reception, anthology.

Шарль Луи де Секонда, барон де Монтескье (1689–1755) был истинным представителем своей эпохи, со свойственным для нее стремлением к охвату всеобщего, к энциклопедизму. Он писал:

Науки соприкасаются друг с другом; самые абстрактные приводят к наименее абстрактным, а весь корпус наук держится на художественной литературе... Следовательно, правильно писать обо всем и во всех стилях. Философия не должна быть изолированной: она имеет отношение ко всему [3, p. 226].

Монтескье с одинаковым увлечением занимается физикой и физиологией, рассматривает под микроскопом растения, наблюдает за воздействием тепла и холода на животные организмы, воображает опыты по возможности полета человека подобно птицам, разрабатывает социологию права, набрасывает важнейшие положения просветительской эстетики, разбирается в лекарствах. Мир соткан из причин и следствий и образует единую систему, доступную для постижения разумом, считает он. «Когда он представляет себе физическую историю земли древней и современной, когда он рассматривает римский мир с рождения до смерти, когда в "Духе законов" он намеревается изучить весь комплекс условий, влияющих на определение судьбы обществ и их законодательств, — его мысль всегда оживлена стремлением охватить общее. И когда в "Опыте о вкусе" он пытается определить, почему любят симметрию, то говорит: "она создает единое целое"» [1, с. 744].

Такое же единое целое составляет и творчество Монтескье, несмотря на его многообразие. «Книдский храм», "Персидские письма", "Упадок римлян" и "Дух законов" — все эти четыре произведения совершенно разных жанров: в первом автор — певец граций, во втором — изящный и остроумный рассказчик, в третьем — историк и философ, в четвертом — ученый законодатель», — писал аббат Вуазенон [2, s/n].

Читателям, которые знают Монтескье как автора знаменитого трактата, легшего в основу «Наказа» Екатерины II и американской конституции, как представителя власти, занимавшего видные посты в парламентах, как члена Французской академии, трудно представить себе иного Монтескье, завсегдагая светских салонов, дамского угодника и любимца. Он был не только уважаемым членом клуба «Антресоль» (Le Club de l'Entresol) — частного кружка, созданного в Париже в 1724 г. по модели английского клуба, на заседаниях которого обсуждались экономические и политические вопросы, но и желанным гостем в Шантийи — замке герцога Бурбонского, а также и во всех самых знаменитых парижских салонах — г-жи де Ламбер, г-жи де Тенсен, г-жи Жоффрен, г-жи дю Деффан, где собирались ученые, литераторы, художники.

Разные грани личности Монтескье находят отражение в портрете, который он сам с себя написал [4, р. 189–201].

У меня почти никогда не было печалей, еще меньше страданий. Моя машина (отметим в скобках, что сравнение человека с машиной — общее место в философии XVIII в., можно вспомнить знаменитый трактат Ламетри «Человек-машина», 1747. — В. А., Е. В.) так счастливо устроена, что меня живо впечатляют все предметы, доставляющие удовольствие, и не так живо те, что приносят страдания [4, р. 189].

О своей «машине» — природном устройстве организма — Монтескье часто пишет, объясняя именно врожденными качествами свое жизнелюбие, любовь к родине, отсутствие стремления к славе. Удивительна скромность этого человека, объясняющего природными задатками все свои лучшие качества. «Я просыпаюсь с тайной радостью увидеть свет, я вижу свет с особым чувством восторга и весь день я доволен» [4, р. 190]. «Учеба была для меня лучшим средством против жизненных разочарований; я никогда не испытывал печали которую не развеял бы час чтения» [4, р. 190]. «Во мне природой заложена любовь к благополучию и чести моей родины, и очень мало любви к тому, что называют славой. Я всегда испытывал тайную радость, когда принимали постановление, шедшее ко всеобщему благу» [4, р. 191]. «У меня довольно честолюбия, чтобы участвовать во всем в жизни; но у меня нет того честолюбия, которое могло бы вызвать недовольство тем местом, которое мне предназначила природа» [4, р. 194]. «Что всегда портило мое мнение о самом себе, так это то, что я пригоден к очень немногим положениям в государстве» [4, р. 193]. «Я легко прощаю, поскольку не подвержен гневу» [4, р. 193], «у меня никогда не было желания написать куплеты против кого бы то ни было» [4, р. 196]. «Если я доверяю кому-либо, то без всякой меры, правда, доверяю я очень немногим» [4, р. 192]. «Когда я бывал в свете, я его любил так, как если бы не смог без него обходиться; когда я бывал в моих землях, я больше не думал о свете» [4, р. 194]. «Робость была бичом всей моей жизни; она почти что помрачала мои органы, связывала мой язык, затемняла мои мысли, приводила в беспорядок мои выражения» [4, р. 198]. «Моя машина так устроена, что мне необходимо сосредотачиваться, когда речь идет об абстрактных материях, иначе мои мысли путаются» [4, р. 193].

Достоверность автопортрета не вызывает сомнений: таким его описывают и современники. Его мягкость, веселость, ровность нрава, простоту и добродушие отмечает французский государственный деятель маркиз д'Аржансон, который познакомился с Монтескье в 1723 г.: «Он не из-за чего не страдает, он читает, путешествует, набирается знаний, и все это исключительно для собственного удовольствия» [2, р. VII], — пишет маркиз в 1736 г. Д'Аламбер в своей «Похвале Монтескье», опубликованной в V томе «Энциклопедии» несколько месяцев спустя после смерти последнего, отмечает:

Мы бы лишили его половины его славы, если бы обошли молчанием его приятные личные качества. В общении он всегда был одинаково мягок и весел. Речь его была легкой, приятной и познавательной, благодаря знанию большого количества людей и народов. Она была рубленой, как и его стиль, полной соли и острот, но без горечи и сатиры. <...> Огонь его ума, большое количество идей,

которые в нем рождались и его переполняли, никогда не проявлялись в середине серьезной и интересной беседы — желание понравиться тем, с кем он общался, делало его скромным и легким в общении [2, р. VI].

Эти разные ипостаси личности проявляются и в его творчестве, где научные и философские рассуждения неразрывно связаны с галантными приключениями и культом чувственных радостей. Многообразие и единство отличают и два его самых знаменитых творения — эпистолярный роман «Персидские письма» (1721) и философский трактат «Дух законов» (1748): по сути единственные произведения, которые и приходят на ум образованному читателю при упоминании имени их автора. Природная любознательность и толерантность — основа космополитизма Монтескье, который он неоднократно отмечает в своем портрете и «Мыслях»:

Когда я путешествовал по чужим странам, то привязывался к ним как к своей родной, я был заинтересован в их благополучии и хотел бы, чтобы они процветали. <...> Я хороший гражданин, но в какой бы стране я ни родился, я был бы таким же [4, р. 191, 200].

Если бы я знал какую-то вещь, полезную для меня, но вредную для моей семьи, я бы выбросил ее из головы. Если бы я знал какую-то вещь, полезную для моей семьи, но вредную для моей родины, я постарался бы забыть о ней. Если бы я знал какую-то вещь, полезную моей родине, но вредную для Европы и для человеческого рода, я бы счел ее преступной [4, р. 201].

Гражданина мира Монтескье в равной степени интересовала как его родина, так и другие страны, в путешествиях по которым он провел более трех лет, посетив Австрию, Германию, Италию, Швейцарию, Англию... Хотя в этом списке любознательного и внимательного путешественника нет России, интерес к этой стране, нашедший отражение на страницах его произведений, был живым и стойким. Равно как и интерес к Монтескье в России, нашедший отражение на страницах антологии «Монтескье: pro et contra. Личность и творчество Монтескье в России: переводы, исследования, рецепция».

В первом разделе антологии будут представлены аналитические статьи российских исследователей, посвященные жизни и творчеству Монтескье, с подробной биографией которого читатель может познакомиться в статье А. А. Никонова «Монтескье. Его жизнь и учено-литературная деятельность», изданной в 1893 г. в серии «Биографическая библиотека Ф. Павленкова».

Раздел представляет разные грани таланта великого просветителя — философа, политолога, социолога, писателя. Статья Т. Б. Длугач посвящена философско-политическим взглядам, которые автор подробно рассматривает на примере двух главных трудов — романа «Персидские письма» и трактата «Дух законов». В центре внимания Х. Н. Момджяна, В. Н. Кузнецова и М. П. Баскина оказываются философские взгляды Монтескье; Ю. Н. Троицкий обращается к вопросам эстетики; В. П. Волгин и Т. Н. Рахманина — к политической теории. Художественному творчеству посвящены статьи Н. А. Сигал, которая рассматривает роман «Персидские письма» в контексте философии Просвещения, и М. В. Разумовской, где Монтескье помещен в широкий литературно-научный контекст эпохи.

Следующий раздел знакомит с неизвестным Монтескье: в нем представлены неопубликованные, наиболее ранние, редкие переводы его малоизвестных творений. Раздел логично открывается статьей Н. Ю. Плавинской, посвященной обзору переводов Монтескье в XVIII–XIX вв.

Далее читатель может познакомиться с «Лисимахом» и «Разговором Силлы с Евкратом», впервые опубликованными в 1769 г.; с «Храмом Книдийским», впервые вышедшем в Санкт-Петербурге в 1770 г.; с восточной повестью «Арсас и Исмения», опубликованной в Москве в 1787 г. В антологию помещена также история о Троглодитах — один из первых фрагментарных переводов «Персидских писем», выполненный К. Бачарниковым и опубликованный в «Детском чтении» в 1779 г. в Санкт-Петербурге.

Особую ценность для изучения наследия Монтескье представляют рукописные переводы «Духа законов». В антологии впервые публикуется фрагмент наиболее полного из сохранившихся рукописных переводов трактата, выполненного Александром Павловым. Несомненный интерес представляют и «Рассуждения на Монтескиеву книгу о разуме законов или Уроки всеобщей юриспруденции», преподаваемые в Императорском Московском университете профессором Я. И. Шнейдером и изданные в 1782 г. Все эти редкие тексты печатаются с сохранением аутентичной орфографии, грамматики и пунктуации, что оказалось возможным только благодаря помощи магистров филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Д. Захаровой, О. Михайловой, Д. Стогния, К. Яковлевой, которым мы очень признательны.

Следующий раздел, посвященный рецепции художественного наследия и философско-политической мысли Монтескье, отражает парадоксы восприятия французского просветителя в России XVIII–XIX вв., где сочетаются элементы апологии и острой полемики. Он открывается письмом митрополита Платона о первом переводе «Размышлений о причинах величества римского народа и его упадка», выполненном в 1769 г. А. Я. Поленовым.

Первая обстоятельная критика «Духа законов» в России принадлежит Ф. Г. Штрубе де Пирмону, автору «Российских писем», в которых содержатся как общие рассуждения о деспотизме, так и критический анализ конкретных высказываний Монтескье о России. Цель Штрубе — доказать, в противовес предложенной Монтескье классификации форм политического правления, что «Российское правление — не есть деспотическое». Это сочинение, опубликованное анонимно в 1760 г., было переведено на русский язык уже в 1761 г. В антологию вошли два письма из этого принадлежащего неизвестному переводчику, но, очевидно, самого раннего русского перевода сочинения Штрубе. В XIX в. «Российские письма» вновь привлекли к себе внимание — на сей раз известного филолога, директора Министерства народного просвещения И. И. Мартынова, опубликовавшего в 1829 г. в журнале «Сын отечества» «Защитение Российского правления», которое представляет собой перевод критической части сочинения Штрубе, сопровождаемый обширнейшими комментариями переводчика.

Статьи А. А. Златопольской, Ф. А. Коган-Бернштейн, Е. Н. Васильевой, А. В. Семенович знакомят с восприятием философских идей Монтескье

в России XVIII — начала XIX вв., в частности, Л. Н. Толстым и декабристами. В этой связи интерес представляет и публикация краткого конспекта «Духа законов», сделанного декабристом, писателем, другом Пушкина В. Ф. Раевским, увлекавшимся философскими идеями просветителей.

Следующий небольшой, но исключительно важный и любопытный раздел о русских связях посвящен исключительно отношениям Монтескье и Антиоха Кантемира. Особое место в истории русско-французских литературных контактов занимают взаимоотношения императрицы Екатерины II с французскими просветителями. Хорошо известно, что Екатерина II при составлении своего «Наказа» опиралась главным образом на идеи Монтескье, позаимствовав из «Духа законов» около 300 статей. В своем письме к д'Аламберу, которое открывает новый раздел «Монтескье и Екатерина II», она открыто признается в том, что на пользу своей империи «обобрала президента Монтескье, не называя его». Императрица уверена, что автор простил бы ее, если бы узнал, что эта литературная кража пойдет во благо двадцати миллионов людей. «Он слишком любил человечество, чтобы обидеться тем; его книга служит для меня молитвенником».

Отношениям Екатерины и Монтескье посвящены статьи А. Н. Пыпина и В. Е. Вальденберга. Публикуемые далее «Замечания на Большой Наказ Екатерины» князя М. М. Щербатова представляют собой наиболее раннюю попытку сличения «Наказа» и «Духа законов», дополненную собственными размышлениями автора. Выписки из дневника Л. Н. Толстого, который спустя почти 75 лет продельвает подобную работу, служат завершающим аккордом данного раздела и перебрасывают мостик к следующему, где помещены избранные мысли Монтескье в переводе и с предисловием Л. Н. Толстого.

Этот раздел — «Монтескье в русской литературе» — не только обращается к проблеме рецепции Монтескье Пушкиным (статьи Д. И. Белкина и М. Неклюдовой), но и представляет французского просветителя в качестве персонажа «Вечера у Кантемира» К. Н. Батюшкова. Наконец, завершающий антологию седьмой раздел обращается к восприятию России в творчестве Монтескье, чему посвящены две глубокие статьи Ф. В. Тарановского и М. П. Баскина.

Русская литература, в отличие от других литератур, не знает удачных подражаний «Персидским письмам», зато политические идеи Монтескье с одинаковым энтузиазмом принимают и монарх, и революционный писатель. Многочисленные неопубликованные любительские переводы Монтескье не всегда имеют высокую художественную ценность, но отличаются точностью и соответствием оригиналу, тогда как переводы, выполненные профессиональными переводчиками и предназначавшиеся для печати и распространения, красноречиво свидетельствуют о цензурном вмешательстве в авторский текст, в особенности в тех эпизодах, которые имеют отношение к России. Сам образ России, созданный Монтескье на страницах его главных произведений, становится объектом литературной полемики, вызывая одновременно и одобрительные, и критические отклики. Всё это — различные грани противоречивой, местами парадоксальной рецепции художественного и философского наследия французского писателя, свидетельство стабильного внимания и признания авторитетности мнения, с которым нельзя не считаться.

Неоднозначная рецепция — это еще и свидетельство исторической чуткости Монтескье, который с точностью обозначил проблемы, оказавшиеся наиболее острыми для российской социально-политической действительности XVIII и XIX вв. и сохраняющими свою актуальность и по сей день. Но не стремление порицать установления какой бы то ни было страны двигало Монтескье, но лишь стремление отыскать объяснение существующих порядков. «Если бы я мог сделать так, — писал он в «Предисловии» к «Духу законов», — чтобы люди приобрели новые основания полюбить свои обязанности, своего государя, свое отечество и свои законы, чтобы они почувствовали себя более счастливыми во всякой стране, при всяком правительстве и на всяком занимаемом ими посту, — я счел бы себя счастливейшим из смертных».

ЛИТЕРАТУРА

1. Монтескье. Опыт о вкусе // Монтескье. Избранные произведения. — М.: Госполитиздат, 1955.
2. Jacob P.-L. Préface de l'éditeur // Montesquieu. Le Temple de Gnide. — Paris: Léon Willem, 1879–1880.
3. Montesquieu. Discours sur les motifs qui doivent nous encourager aux sciences // Montesquieu. Oeuvres complètes. — Paris: Editions Nagel, 1955. — Т. III.
4. Montesquieu. Portrait de Montesquieu par lui-même // Montesquieu. Oeuvres posthumes. — Paris: chez Plassan, Bernard, Grégoire, 1798. — P. 189–201.